

Только что пообещав стать отличным попутчиком, Шу Сюнь молча наблюдал за тем, как Нуаньдун осушил почти всю бутылку. Сам же крохотный Пушок, обхватив соломинку лапками, тоже пил без остановки. В результате терзаемый чувством вины малыш перепил сладкого сока и начал безостановочно икать. Короткие, прерывистые звуки икоты внезапно нарушили тишину. Они звучали совсем негромко, особенно на фоне завывающего за стенами пещеры бурана, однако оба его спутника обладали феноменальным слухом. Разумеется, они тут же синхронно повернулись к икающему Пушку.

Ецянь осторожно похлопал Шу Сюня пальцем по спине, пытаясь унять икоту, но толку от этого было мало. В их эпоху икота досаждала разве что младенцам да обычным людям, не прошедшим пробуждение, так что всемогущий Бог Ночи явно пребывал в некотором замешательстве.

Нуаньдун понаблюдал за ним секунду, а затем его улыбка мгновенно угасла. Мягкая приветливость во взгляде и чертах лица испарилась, уступив место леденящему, отчужденному равнодушию. Шу Сюнь опешил от такой резкой перемены, а в ушах уже зазвучал его мертвенно-холодный голос:

— А талая вода, оказывается, весьма недурна на вкус.

Малыш мгновенно оцепенел, еще крепче вцепившись в баночку с соком. Под пристальным, ледяным взглядом Нуаньдуна он опускал голову всё ниже и ниже, пока наконец не сжался в плотный пушистый шар, выставив навстречу собеседнику лишь пушистый затылок.

Одолеваемый жгучим стыдом, Шу Сюнь лихорадочно соображал, что лучше: попытаться протиснуться прямо внутрь жестяной банки или по-быстрому вырыть норку в каменном полу пещеры. Но вдруг Нуаньдун прыснул, и пещеру залил его чистый, звонкий смех. Малыш удивленно вскинул голову. От недавней суровости не осталось и следа — мужчина улыбался так тепло, словно летнее солнце, а в уголках его глаз от смеха даже выступили слезинки.

— Ну и забавный же ты кроха, — выдохнул он сквозь смех.

Шу Сюнь так и застыл с банкой в обнимку, совершенно сбитый с толку. Ецянь ласково погладил его по голове и своим обычным, бесстрастным тоном произнес:

— Кипяченую талую воду пить можно. — Он сделал короткую паузу и веско добавил: — Я проверял.

— А?.. — Шу Сюнь приоткрыл рот от изумления. Он вскинул свою пухлую мордочку, вопросительно уставившись на Ецяня круглыми блестящими глазами. Запасы питьевой воды у них пока не поджигали, и хомячок решительно не понимал, когда его грозный защитник успел провести дегустацию растопленного снега.

Глядя на этого забавного Пушка у костра, Нуаньдун негромко рассмеялся, и в его голосе зазвучали легкие нотки:

— В некоторых вещах лучше убедиться лично, чтобы спать спокойно.

Ецянь, что бывало нечасто, согласно кивнул.

Шу Сюнь переводил взгляд с одного на другого, гадая, не является ли подобная странная логика негласным правилом среди игроков высшего ранга. Впрочем, исходя из игрового опыта, и Ецянь, и Нуаньдун, скорее всего, просто заранее просчитали все риски и возможные последствия, взвесили все за и против и лишь после этого решились на эксперимент с водой.

— О, кажется, икота прошла. Ну что, перекусим? Думаю, прокормить одного маленького Пушка мне вполне по карману, — все еще улыбаясь, Нуаньдун небрежно похлопал по своему огромному походному рюкзаку.

Только тут Шу Сюнь понял, что от неожиданного испуга икоту как рукой сняло. Малыш с гордым видом похлопал лапкой по своему крошечному рюкзачку:

— А ты чего хочешь? У меня тоже куча всего вкусного!

Нуаньдун снова весело расхохотался. В конечном итоге они все же поужинали припасами, которые собрал он. Покончив с горячей, на удивление сытной трапезой, довольный Шу Сюнь растянулся на гладком теплом камне, лениво похлопывая себя по круглому сытому брюшку.

— Да уж, прокормить такого Пушка — задача не из легких, — хмыкнул Нуаньдун, глядя на разомлевшего зверька. Его искренне изумило, что этот кроха умудрился смолотить порцию, заметно превышающую его собственный вес. Впрочем, наблюдать за столь счастливой крохой было невероятно трогательно.

За порогом пещеры, в крошечной тьме, неистовствовала ледяная вьюга. А внутри весело плясали золотистые языки пламени, надежно оберегая их от лютого холода. Мягкий свет костра робко пробивался наружу, выхватывая из темноты клочок безжизненных, изрезанных ветром скал и внося каплю тепла в этот суровый, замерзающий мир.

После ужина Шу Сюнь и Нуаньдун набросали план на завтра и обсудили, чего ждать от города Вэй. Худшим сценарием было встретить там такое же безмолвие, как в коттеджном поселке у Озера Вэй или в городке Белых Скал: ни единой живой души, никаких припасов и зацепок. К тому же существовал огромный риск наткнуться на других игроков. Времени с начала испытания прошло немало, и выжившие наверняка сумели раздобыть хоть какую-то информацию. Город Вэй, будучи крупнейшим мегаполисом в округе, неизбежно должен был притянуть к себе большинство уцелевших.

Закончив с обсуждением, спутники устроились на ночлег. В условиях сурового Конца зимы крепкий сон и бодрость духа были вопросом выживания. Достав из рюкзака свой миниатюрный спальник, Шу Сюнь немного поразмыслил и расстелил его прямо на круглом плоском камне, который ему презентовал Нуаньдун. Благодаря хитрым свойствам минерала, камень вблизи огня нагревался и превосходно держал комфортное тепло. Кроха был от этого подарка в полнейшем восторге.

Нуаньдун с нескрываемым любопытством наблюдал за суетой малыша. Тот аккуратно разложил спальник, сложил свою крошечную одежду, забрался внутрь и, сонно прищурившись, пробормотал Ецяню пожелание доброй ночи. Затем он помахал пухлой лапкой Нуаньдуну, сладко зевнул и мгновенно провалился в глубокий сон.

Сон у маленького Пушка оказался богатырским. Не успели старшие закрыть глаза, как со стороны теплого камня донеслось тихое, едва различимое посасывание. Нуаньдун снова невольно улыбнулся.

Ецянь бросил на него холодный, предостерегающий взгляд. Нуаньдун принял этот вызов спокойно: на его губах блуждала улыбка, но глаза оставались абсолютно сухими и сосредоточенными. Некоторое время они молча прощупывали друг друга взглядами — то ли обмениваясь скрытыми угрозами, то ли выказывая взаимное уважение, понятное лишь по-настоящему сильным бойцам. Наконец оба отвели глаза и закрыли их, погружаясь в сон.

Наступил двадцатый игровой день. Шу Сюнь проснулся в теплом спальнике без сновидений. Еще не успев разомкнуть веки, он уловил умопомрачительный аромат — пахло сочным, поджаристым мясом на углях. Малыш мгновенно распахнул свои круглые глазенки и завертел головой в поисках источника запаха.

Костер полыхал куда ярче, чем накануне. Над углями томился огромный мясной окорок. Судя по очертаниям туши, которую неторопливо переворачивал Ецянь, это был кабан. По другую сторону от очага Нуаньдун уже деловито паковал вещи — очевидно, сразу после завтрака они планировали выдвигаться.

Плотный завтрак едва убавил гору жареного кабаньего мяса — осталось больше двух третей. Этого запаса с лихвой хватило бы на весь день пути. Ецянь аккуратно разделил остатки на порции и убрал их в бездонный рюкзачок Шу Сюня. Потушив костер, путники вновь шагнули в царство вечного льда и снега.

Погода за пределами пещеры не изменилась ни на йоту: колючий снег, подгоняемый яростным ветром, больно хлестал по лицу. Шу Сюнь съежился и поглубже зарылся в теплый карман куртки Ецяня. Поскольку спешить изо всех сил нужды не было, Ецянь не стал принимать звериный облик. Две высокие фигуры стремительно и бесшумно лавировали среди отвесных обледенелых утесов.

Выбрав кратчайший путь напрямую через перевал, они двигались очень быстро. Спустя шесть часов непрерывного бега перед ними вырос северный въезд в город Вэй. Дорогу преграждал

пункт оплаты, занесенный сугробами. Однако, вопреки ожиданиям, здесь не царил унылый безмолвие — напротив, площадка перед шлагбаумами выглядела невероятно загроможденной.

Чем ближе они подходили к городу, тем плотнее становился поток брошенных машин. Возле пропускного пункта они и вовсе выстроились бампер к бамперу, намертво заблокировав все полосы движения. Ецянь и Нуаньдун остановились в некотором отдалении. Сквозь плотную пелену метели было трудно что-то разглядеть, и бесконечная вереница занесенных снегом кузовов уходила далеко в белую неизвестность, словно гигантская застывшая гусеница.

Каждый автомобиль без исключения был укрыт толстым снежным одеялом и скован панцирем из наледи. Огромное скопление транспорта, где обычно царят гул моторов и яростные гудки, сейчас было погружено в жуткую, неестественную тишину. Шу Сюнь озабоченно потеревил шерстку на макушке. Глядя на эту мертвую пробку, он понял: оправдались их самые худшие опасения.

Нет ничего страшнее и непостижимее, чем внезапное исчезновение населения целого мегаполиса. Если запустение в коттеджах у Озера Вэй или в городке Белых Скал еще можно было списать на экстренную эвакуацию, то пропажу жителей огромного промышленного центра объяснить банальным переселением никак не получалось.

Смутные догадки и мрачные предчувствия витали в воздухе, но не успели путники сделать и шага к машинам, как наткнулись на второе тело местного жителя за все время их пребывания в игре. На самом краю затора легковой седан на полном ходу протаранил стоявшую впереди машину. От сильного удара капот смялся в гармошку. Судя по всему, водитель ехал на огромной скорости и даже не пытался затормозить — словно находился в состоянии глубокого шока или беспамятства.

Разбитое лобовое стекло пропустило внутрь метель. Салон успело занести ровным слоем пушистого снега, укывшим водителя, словно погребальный саван.

Мужчина на водительском сиденье безжизненно уткнулся лицом в рулевое колесо. Его руки плетью свисали по бокам, а грудная клетка была неестественно прижата к приборной панели. Эта скрюченная поза выглядела пугающе неправильной. На припорошенное снегом тело можно было легко не обратить внимания, если не приглядываться.

Нуаньдун подошел ближе, собираясь осмотреть погибшего. Он взялся за окоченевшее плечо, чтобы приподнять тело, но тут же отдернул руку и обернулся к Ецяню, указав на выглядывающего из кармана Шу Сюня.

— Лучше прикрой ему глаза. Зрелище не из приятных.

Ецянь мгновенно все понял и без лишних слов накрыл ладонью любопытную мордашку Шу Сюня. Оказавшись в крошечной тьме, тот возмущенно завертел головой, пытаясь вывернуться из захвата, но широкая ладонь держала его крепко и бережно. Малыш принялся изо всех сил скрести пальцы спасителя своими крошечными лапками, однако сдвинуть руку великана не

удалось ни на миллиметр. Когда же он, пыхтя от натуги, наконец сумел приоткрыть крохотную щелочку между указательным и средним пальцами Ецяня, Нуаньдун уже аккуратно уложил труп обратно.

Шу Сюнь надулся: □□□

Любопытство всегда было главной движущей силой для мышей-искателей сокровищ, заставляя их исследовать самые опасные уголки мира. А уж у совсем юного пушистого детеныша жажда познания буквально была через край. Впрочем, хотя рассмотреть детали Шу Сюня не дали, Нуаньдун не собирался делать секретов из увиденного.

— Молодой парень. Грудина раздроблена в щепки, внутренние органы буквально всмятку от страшного сдавливания. Смерть наступила мгновенно в момент удара, — поделился выводами Нуаньдун. Судя по всему, в машине не сработали подушки безопасности, обрекая несчастного на гибель.

Услышав это, Шу Сюнь догадался, почему его уберегли от этого кадра. Изувеченное тело, мгновенно застывшее на тридцатиградусном морозе, должно быть, представляло собой жуткое зрелище. И хотя этот труп разительно отличался от найденных ранее останков Цин Мо, у них имелась одна важная общая черта — они оба не растаяли в воздухе, а остались лежать там, где их настигла смерть.

Троица переключила внимание на протараненную машину. Ей тоже досталось сполна: салон деформировался, одна из дверей сиротливо болталась настежь. На сиденьях водителя и пассажира багровели темные пятна крови, скованные морозом. Трупов внутри не оказалось — значит, находившиеся в салоне люди уцелели при ударе. Однако обилие замерзшей крови на пассажирском кресле и яркие алые отпечатки пальцев на ободке руля красноречиво свидетельствовали о том, что ранения были тяжелейшими.

Шу Сюнь легонько пихнул лапкой Ецяня, давая понять, что хочет спуститься. Повинуясь его немому знаку, он ловко выскользнул из кармана, плавно съехал по плотной ткани куртки до уровня колена и оттуда бесстрашно сиганул вниз. Раздался мягкий хлопок — комочек плюхнулся прямо в пушистый сугроб, оставив в нем аккуратную ямку. Весь этот трюк он провернул настолько привычно и изящно, что приземлился точнехонько на четыре лапы.

Ецянь не стал его удерживать, лишь молча и бесстрастно наблюдал за действиями подопечного. Нуаньдун же с любопытством приподнял бровь, гадая, какую проделку затеял этот кроха.

Шу Сюнь тем временем прицелился, нырнул прямо под приоткрытую дверцу машины и закопался в сугроб. Заработав быстрыми коготками, он побежал под толщей снега, выискивая скрытые следы. Со стороны это выглядело забавно: на ровной белой глади вздулся крошечный холмик, который шустро пополз прочь от автомобиля. Преодолев метров десять, бугорок замер. Из-под снега показалась забавная круглая мордочка. Зверек отряхнулся от налипших снежинок, пулей припустил обратно и, ухватившись за штанину Ецяня, проворно вскарабкался

обратно в теплый карман. Переведя дух, он проворчал:

— Ну и дубачина в этих краях, а?

Ецянь сохранил каменное выражение лица. А вот Нуаньдун, впервые столкнувшись с колоритным мышинным говором, надолго завис, пытаясь с помощью своего выдающегося интеллекта расшифровать загадочное выражение про дубачину.

Немного согревшись, Шу Сюнь потер крошечные лапки друг о друга и деловито доложил:

— Под снегом тянется кровавый след. Он идет от водительской двери, огибает капот к пассажирскому сиденью, а оттуда тянется примерно на десять метров в сторону и резко обрывается.

Пусть Шу Сюню и не дали рассмотреть изувеченного водителя, он успел подметить, что салон искореженной машины забит снегом почти вровень с дорожными сугробами. Это означало одно: в момент аварии снегопад в городе Вэй еще даже не начинался или был совсем слабым. Следовательно, беглецы неизбежно должны были оставить на сухом асфальте отчетливые следы крови.

Его чутье не подвело: под снегом действительно обнаружилась кровь. Картина вырисовывалась следующая: после столкновения водитель помог раненому пассажиру выбраться, и они вместе попытались выбраться из затора. Но поскольку дорога была намертво заблокирована машинами, им пришлось идти пешком. Отойдя на десяток метров, они остановились — об этом говорила большая замерзшая лужа крови на асфальте. Но самое странное заключалось в том, что дальше следы обрывались. Сколько Шу Сюнь ни искал, вокруг не было ни капли крови, ни единого отпечатка ног. Все чисто.

Сопоставив это с теорией о таинственном исчезновении горожан, Ецянь и Нуаньдун мгновенно уловили мысль Шу Сюня. Кровавый след мог оборваться по двум причинам: либо пострадавших кто-то забрал, либо они просто растворились в воздухе прямо на месте.

Если их спасли, то почему никто не позаботился о погибшем водителе из соседней машины? Если же они испарились, то почему этого не произошло с трупом в разбитом седане? Какие невидимые правила определяют, кому суждено исчезнуть, а кому остаться прахом на этой ледяной земле? Чтобы разгадать эту шараду, им требовалось найти больше тел или хотя бы новые зацепки.

Двигаясь дальше вдоль бесконечного затора, путники то и дело натыкались на следы других столкновений. Похоже, в момент катастрофы водителями владела дикая паника. К счастью, из-за плотности потока разогнаться никто не мог, так что аварии были пустяковыми, и новых жертв они не обнаружили. На всем протяжении этого гигантского мёртвого затора у пропускного пункта лежал лишь один мертвец.

За шлагбаумами открывалось широкое шоссе. Дорожного полотна под сугробами было не разглядеть, но идеально ровное снежное русло безошибочно указывало путь. Где-то впереди, на стыке затянутого тучами неба и мертвой земли, смутно вырисовывались исполинские силуэты небоскребов. Разгулявшаяся метель смазывала их очертания, превращая огромный город в призрачное видение.

Путники прибавили шаг, направляясь к центру города Вэй. Вскоре сквозь снежную пелену проступили величественные контуры мегаполиса. Огромные, уходящие в свинцовое небо здания громоздились ровными кварталами, создавая причудливый урбанистический пейзаж. Низкие серые облака почти цеплялись за крыши высоток, грозя вот-вот обрушиться всей своей тяжестью. Нескончаемый снегопад бережно укутывал проспекты и площади пушистым саваном, погружая некогда бурлящий жизнью город в глубокую летаргию.

— Ну вот мы и на месте, — негромко произнес Нуаньдун. Ецянь тоже остановился. Они вошли в черту города Вэй, и открывшаяся взору картина заставила их застыть на месте. Долгое время никто не решался нарушить молчание — то ли от масштаба представшего зрелища, то ли от осознания того, что все их прежние теории только что рассыпались в прах.

По обе стороны широких проспектов высились современные здания — величественные, ухоженные, каждое со своим уникальным архитектурным лицом, напоминающим о былом величии и неиссякаемой энергии этого места. Но если опустить взгляд ниже, на тротуары и мостовые, открывалась жуткая реальность. Декоративные деревья и кустарники давно погибли от лютого холода; даже вечнозеленая хвоя, сохранившая блеклый изумрудный оттенок, казалась неживой и стеклянной. А у их подножия, прямо на некогда людных улицах, лежал нетронутый слой глубокого снега. Местами он ложился идеально ровно, но то тут, то там из сугробов выступали отчетливые, пугающие бугры. Под каждым из этих снежных холмиков угадывались очертания замерзших человеческих тел.

Тела лежали хаотично, на некотором отдалении друг от друга, однако их было пугающе много. Из-за плотного снежного покрова заметить их с первого взгляда было непросто, но теперь истина открылась во всей своей неприглядности. Прежняя складная теория о всеобщем таинственном исчезновении жителей дала сокрушительную трещину.